

АЛЕКСАНДР МАРКОВ*

О ТРОЛЛЯХ И РАСПИСАНИЯХ**

РЕЦЕНЗИЯ НА НОВУЮ КНИГУ ГЕОРГИЯ ЧЕРНАВИНА

ЧЕРНАВИН Г. И. ФИЛОСОФИЯ ТРОЛЛЯ : ФЕНОМЕН ПЛАТНЫХ ВОТОВ. — М. : РИПОЛ КЛАССИК, 2021.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-1-247-255.

Философская работа, начиная с Платона, требует, исследовав истину, исследовать и мнения. Такова диалектика поздних диалогов Платона: истина может быть установлена тем интеллектуальным усилием, которого достаточно для оспаривания уже занятой мнением позиции. Не какая-то несостоятельность, но, напротив, состоятельность мнения требует такого усилия созерцания, которое не позволит перевести спор на чуждые ему основания. Новая книга Георгия Чернавина (Чернавин, 2021) — исследование мнений, необходимо дополняющее его же исследование истины (Чернавин, 2018). Если в предыдущей своей русскоязычной книге Чернавин доказывал, что феноменологическая диспозиция очевидного и разумеющегося приходит в движение и наступает момент, когда спор вокруг этой диспозиции со многими радикальными сомнениями в ней уже не может не произвести истину, то в новой книге исследуется ситуация принципиальной лживости тех мнений, которые обладают ресурсом полагания — независимо от того, что именно эти мнения полагают: действие разума, принятие чего-то как данного или созерцание собственной уверенности.

Поле работы книги Чернавина, вопреки заявленному в заглавии исследованию поведения сетевых троллей как производителей заведомо ложных, но эффективных в силу своей анонимности высказываний, весьма широко. Следует признать, что оно охватывает всю ситуацию мышления после того, как проекты методического различения «данностей», во главе с неокантианским, стали невозможны, точнее, перешли

*Марков Александр Викторович, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва), markovius@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6874-1073.

**© Марков, А. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

в разряд частного диалектического инструментария. Как и в предшествующей книге автора, этой ситуации мышления принадлежат Гуссерль, Хайдеггер и Витгенштейн, но также Андрей Платонов и обеiriуты, французская феноменология и философия языка вплоть до наших дней. На этот раз в самом ядре этого проекта раскрываются те структуры анонимности, которые и оказываются соблазном, знаменую, что само устройство дискуссии из-за того, что анонимна та инстанция, тот колокольчик, который и начинает, и завершает дискуссию, может соскользнуть в философски недолжные утверждения, в производство недостоверного убеждения.

Сама по себе тема анонимизации как размывания самой ситуации, в которой усилия идеологизированного или идеологизировавшегося разума восстанавливают границы достоверности как границы суждения как такового, не новая. Достаточно указать на многочисленные исследования советской культуры, в которой анонимная инстанция («есть мнение», как мог сказать председатель на собрании) заставляла принять недостоверное как должное и как мнимо-достоверное установление горизонта этого мнения: уже известно, как это работало при производстве наивных текстов (Козлова, Сандомирская, 1996), при функционировании лозунгов в городском пространстве (Левин, 1997), экспрессивной разработке звучащей речи (Орлова, 2017) и производстве публики при институционализации зрелищ (Ганжа, 2020). В конце концов, такие исследования победы анонимного мнения над критическим суждением оформились, например, в *sound studies*, исследовании звукового производства как идеологического, к которому могут быть применены обновленные методы критики идеологий. В такой отрасли знания и может быть поставлен вопрос об идеологизации и деидеологизации звука как относительно автономных процессах, которые вполне можно зафиксировать в ходе достоверного и проверяемого научного исследования. Как писал А. Ф. Лосев, предвосхищая проблематику современных *sound studies* (Лосев, 2001: 107):

Как известно, насколько легко убеждать других, настолько трудно убедиться в чем-нибудь себе самому. Иной раз вы с пафосом долбите: «Социализм возможен в одной стране. Социализм возможен в одной стране. Социализм возможен в одной стране». Не чувствуете ли вы в это время, что кто-то или что-то на очень высокой ноте пищит у вас в душе: «Н-е-е-е-е...» или «Н-и-и-и-и...» или просто «И-и-и-и-и...». Стоит вам только задать отчетливо и громко вопрос этому голосу: «К-а-а-а-к? Невозможен????», как этот голос сразу умолкает, а показывается какой-то образ, вроде собачонки, на которую

вы сразу замахнулись дубиной, а она не убежала, а только прижалась к земле, подставила морду для удара и завилыла хвостиком, умильно и вкрадчиво, как бы смиренно выговаривая: «Ведь вы же не ударите меня, правда? Ведь мы же помиримся, правда?» Вы, конечно, не ударяете, а начинаете опять долбить то же. Но как только вы задолбили, этот писклявый голосишка опять начинает свою ноту, и уже пуще прежнего на высочайшей ноте слышно это умильно заискивающее, подкатывающее свои масляные глазки к небу, и в то же время насмешливо-лукавое и почти что презрительное: «И-и-и-и-и...» Так высокая нота в душе сменяется словами, а слова опять тем же писком. И это, конечно, действуют в душе иноприродные ей существа.

Эта большая цитата из А. Ф. Лосева, в которой нашли место литературные образы от пуделя-Мефистофеля до нечисти Сологуба и Ремизова, сводит эффекты идеологии к патетическим переживаниям, по отношению к которым можно менять позицию наблюдателя, но не отменять сами эффекты-переживания: их можно сделать жалко выглядящими, но нельзя совершенно убрать их из души, по крайней мере, пока ты работаешь с торжественным высказыванием. Для современников Лосева такая петля патетического и пафосного была единственным способом говорить о тогдашней политике как о событии, а не как о мире постоянно отменяемых событий. Следует признать, что между двумя мировыми войнами поезд сбывающегося и учреждаемого перестали приходить на платформы, где их ждали, где-то застревали в пути, и поэтому появление любого поезда интеллигент мог приветствовать как событие, доказывающее само существование бытия.

Такой казус и рассмотрен в книге: семинар Хайдеггера 1933 года, где философ легко переходит от определения категории «есть», от исследования многозначности бытия, а значит, и способов бытия к сущностной связке народной и политической воли как того анонимного связывания, которое и позволит считать все собственные свойства бытия — такие как самоотверженность, стойкость, борьба и другие, которые иначе просто до нас не доходят, не доезжают, как застрявший поезд. Чернавина здесь интересуют сами механизмы работы с речью в печальный для Германии год, которые производят в том числе насилие над речью, создание лозунга как необходимого момента дальнейшего распространения философской речи. Цитируя абсурдистский момент из прозы Сорокина («помучмарить фонку»), где вскрывается переход от нормативного анонимизированного литературного повествования к вспышке насилия, Чернавин делает вывод (Чернавин, 2021: 71):

можно сказать: непосредственное доверие философа к агрессивной идеологии есть неизвестно чем вызванная попытка этого философа хоть раз помучмарить фонку*; занять это необычное положение и двигаться в нём его принуждает столь же неожиданное, как и, по-видимому, ненужное насилие, которое ему угодно учинять над собой.

Споря с Альтюссером, для которого идеологические аппараты имплицированы в текстах, которые кажутся нейтральными, но производят учреждающие структуры власти и подчинения идеологические эффекты, Чернавин замечает, что идеология может действовать и открыто, она может вполне открывать себя в мире доверия к действительности. «Есть мнение» тогда и превратится в «есть идея», а эта идея уже будет определять ту сегментацию мира, в которой доверие к какому-то одному сегменту будет означать и доверие ко всем режимам производства этих сегментов. Доверяя борьбе за мир, советский человек доверял и политике партии, или герои Андрея Платонова, доверяя различным следам этого производства, например, газетам, брошюрам и словарям, доверяли и своей способности произвести высказывания как истинные и неоспоримые. В облегченном виде народы вслед за национальными поэтами доверяют печали, называется ли она *saudade* или *Sehnsucht*, и тут это доверие просто растворяется в самой идее ожидания, не важно — поезда или заката. Как пишет Чернавин, анализируя «встроенные» мнения, некоторые аффекты, которые субъект аффекта воспринимает как само собой разумеющиеся, раз они уже есть (Чернавин, 2021: 98):

Эта модальность «всегда уже здесь» (преданность) составляет характерную черту действительности, феноменологическая оптика позволяет видеть, в какой мере преданность представляет собой притязание; в случае идеологии мы имеем дело с сегментом действительности, который я предлагаю называть «квази-преданностью», тем, что «как будто всегда уже есть».

Схема работы тролля анализируется в книге подробно, в том числе с применением метода глубинного интервью с двумя выпускниками философского факультета, работающими на ферме троллей (там же: 174–200). Эту схему можно пересказать так. Допустим, тролль утверждает: «От ЕС меня тошнит». При этом жизненному миру ни самого тролля, ни его читателя это утверждение не соответствует: низкооплачиваемый тролль не ездит так уж часто в Европу, чтобы его от нее затошнило. Чтобы это высказывание стало достоверным, этот тролль должен изменить свой способ пребывания в мире, например, стать высокооплачиваемым директором фабрики троллей. Но тогда он уже

не будет писать эти посты, он будет только составлять темники для подчиненных. Сама жизнь тролля тогда оказывается подвешиванием самого себя в перформативном противоречии, откуда дальше он может только троллить и убеждать себя звуком своего троллинга. При этом читатель, верящий троллю, тоже явно желает, чтобы дела обстояли так, как описывает тролль, но именно потому, что он не имеет своего способа пребывания в мире, точнее, имеет его в виде своих родственников — детей или украинских родственников, над которыми нависли обозначенные троллем угрозы («ювенальная юстиция», «экстремисты» и т. д.). Читатель как раз, в отличие от тролля, не может изменить свое бытие в мире даже потенциально: если тролль имеет возможность пойти на повышение, то читатель тролля, даже если пойдет на повышение в своей профессиональной области, получит его в результате действия обстоятельств, никак не соотносимых с встроеным мнением.

На множестве примеров — начиная с устройства северокорейской пропаганды с ее уже кричащим противоречием между отражением действительности и возгонкой эмоций и заканчивая оспариванием инерции обыденного сознания в песне В. Степанцова «Бухгалтер Иванов» — Чернавин показывает, каковы могут быть структуры, не позволяющие подменить действительное повышение тролля по службе мнимым повышением, что привело бы просто к переходу троллинга в зомби-апокалипсис, когда все бы в конце концов поверили в картину мира, нарисованную фабрикой троллей, ведь тогда бы границы высказывания тролля, который действительно всем доволен, просто бы совпали с границами естественного языка, тролль продолжал бы так говорить в быту и заразил своей повесткой не только сидящих в Сети, но и, например, членов своей семьи, а они дальше заразили бы всех знакомых и встречных. Простая структура остановки троллинга — дополнение его ответственными философскими суждениями, поданными в духе московского романтического концептуализма, например (Чернавин, 2021: 121):

ЕС, убейся уже об стену! Только так ты сможешь узнать, есть ли что-то по ту сторону жизни.

Мне интересно: Ирак и сирию хоть когда-нибудь оставят в покое? Такое ощущение, что там до конца жизни всё будет плохо. До конца моей жизни. Я смертен?!

Чернавин, в том числе отвечая на включенные в книгу возражения российских феноменологов, отмечает (там же: 304–305), что преимущество Гуссерля перед Витгенштейном состоит в открытии тавтоло-

гических структур не только в языке, но и в самом бытии, так что оказывается, что анонимность тролля вполне предзадана онтической структурой мира, где та самая карьера, переход на новый уровень влияния, и позволяет миру ввести нас в заблуждение. В этом смысле вводит в заблуждение уже не систематическое опоздание поездов, а скорее систематическое запаздывание самих расчетов по расписанию: например, глядя в железнодорожное расписание, мы можем высчитать, добежим ли мы от остановки трамвая до платформы поезда, если у нас в запасе минута, но если ее нет — поезд уйдет, хотя все расчеты времени передвижения оказались состоятельными. Поэтому тот обман, которым грозит нам реальность, оказывается связан с тем, что расписания никогда до конца не выполняются, причем в силу контингентных причин, например, трамвай, на котором едут на вокзал, сломался — в социальной системе, не в физической, это вполне контингентное событие. В таком случае, если наша метафора подходит для этой книги, фасцинирующее переживание расписания:

Что в мае, когда поездов расписание
Камышинской веткой читаешь в купе,
Оно грандиозней святого писанья
И черных от пыли и бурь канале.

— и является ситуацией, в которой тавтологии бытия быть не может, потому что любой предмет в бытии уже оформлен как иной, уже выбран до нас, если не украден до нас. Троллингом тогда будет прочтение Пастернака с позиции современной русской литературной нормы (что и сделал М. Елизаров в романе «Pasternak», 2003), где тавтологичность будет приниматься как само собой разумеющееся свойство уже принятой таким читателем-писателем идеологии.

При всем блеске реконструкции автором «недобросовестной веры» как не просто ситуации внутренней или внешней речи, но ситуации слишком поспешной и потому карьерной открытости человека бытию, позволю сделать еще несколько замечаний о троллях. Прежде всего, настоящий тролль, как показывают интервью, относясь ко всему с напускным цинизмом, всё же представляет собой вполне определенный исторический тип, который можно сопоставить с типом хама. Основным признаком хамства — вовсе не грубость, а парирование вопроса в духе «А где сейчас директор? — Вы на часы смотреть не умеете?». Хамство было столь распространенным в советском быту именно потому, что инстанции, которая могла бы подтвердить, что всё работает по расписанию,

не было — поэтому хам переключался сверху с расписанием на клиента. Ведь по часам может оказаться не только что директора нет, но что директор есть в своем кабинете в каком-то высшем смысле (примерно как молодой Андрей Платонов говорил, что только в советской стране по-настоящему есть электричество — вероятно, эмансипированное от неподлинности буржуазного злоупотребления им), но только приобретающее некоторое онтологизирующее убеждение, клиент мог дальше ждать директора, исходя из того, что он сейчас вот-вот будет.

В этом смысле троллинг появляется там, где как раз система работы учреждения становится прозрачнее, например, можно в любой момент узнать, какие решения уже принял директор (они вывешиваются на сайте), и тогда онтологизирующее убеждение тролль переносит в область рассуждений о происходящем вообще — что «от ЕС тошнит»: от него тошнит в каком-то тоже высшем смысле. Поэтому, например, оспаривание этой фразы абсурдистским продолжением работает лишь для тех, кто живет в общественной жизни, как в романе, например, для интеллектуалов, но может не сработать для тех, кто принимает происходящее в ключе возвышенного, в ключе принятия нужного решения директором или дальнейшего кризиса ЕС. Такой возвышенный субъект идеологии, не-философски перефразируя название книги Жижека, создает мир иллюзорных желаний, где важно решение директора и важен кризис ЕС как равнонаправленные на подтверждение этой возвышенной субъективности более-менее случайные, но *как будто* ожидаемые события.

Далее, если считать тролля образцом работы философа до возникновения в нем сюжетной рефлексии, философа, подвешенного в режиме ожидания и потому не способного отреагировать на происходящее как на совокупность вполне рационализируемых и этически оцениваемых сюжетов, то сразу можно задать вопрос: а как можно понять изнутри троллинга, что произошел сюжет? Скорее всего, идеальный философский зомби никогда не поймет этого до конца жизни, тогда как философ, претендующий на создание собственной школы, уже принимает возможность школы как нечто, предшествующее его возможности быть поставленным в режим ожидания, даже если эти две возможности никак не соотносены или соотносены лишь эффектами языка, как их понимает философия языка. Поэтому получается, что троллем может быть «выпускник философского факультета», а преподаватель философского факультета — лишь в той мере, в какой является выпускником. Конечно, это замечание не умаляет остроты и правильности критики некоторых

моментов мышления Гуссерля, Хайдеггера и Витгенштейна, но скорее показывает, что мы уже можем говорить об этих людях так же, как говорим о неокантианцах (или неоплатониках) — как о некоторой школе, которая поучительна для нас, как поучителен любой педагогический проект. Хотя вот упомянутый в начале рецензии Лосев не стал бы говорить ни о неокантианцах, ни о неоплатониках как о людях, которые только поучительны для него, а не вовлекают его в какие-то предельные эмоциональные решения. И тогда книга Чернавина просто знаменует, что мы уже живём не в эпоху Хайдеггера и не в эпоху Лосева.

Следует признать одно: аналитика мнений, их пребывания, безличности, способности выступать в нашу сторону в книге просто блестящая, такой в философской литературе на русском языке еще не было. Отдельно нужно отметить особую систему условных знаков, с помощью которых производятся процедуры над мнениями, наподобие логических оперантов, но только еще более изощренных, на зависть любым философам-логикам прошлого. Тем скорее хочется пожелать Г. И. Чернавину собственной философской школы — по соображениям, которые я бегло постарался представить выше.

ЛИТЕРАТУРА

- Ганжа А. Г.* «И все мы похожи слегка на детей» : производство публики в советском цирке // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 4. — С. 52–64.
- Козлова Н. Н., Сандомирская И. И.* «Я так хочу назвать кино». «Наивное письмо» : опыт лингво-социологического чтения. — М. : Гнозис, 1996.
- Левин Ю. И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика. — М. : Языки русской культуры, 1997.
- Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. — СПб. : Азбука, 2001.
- Орлова Г. А.* Мобилизованная интонация // Практики и интерпретации : журнал филологических, образовательных и культурных исследований. — 2017. — № 4. — С. 58–82.
- Чернавин Г. И.* Непонятность само собой разумеющегося. — М. : Добросвет, 2018.
- Чернавин Г. И.* Философия тролля : феномен платных ботов. — М. : РИПОЛ классик, 2021.

Markov, A. V. 2021. "O trolleyakh i raspisaniyakh [Trolls and Timings]: retsenziya na novuyu knigu Georgiya Chernavina [Review of a New Book by Georgy Chernavin]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (1), 247–255.

ALEKSANDR MARKOV

FULL PROFESSOR

RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0001-6874-1073

TROLLS AND TIMINGS

REVIEW OF A NEW BOOK BY GEORGY CHERNAVIN

CHERNAVIN, G. I. 2021. *FILOSOFIYA TROLLYA [PHILOSOPHY OF THE TROLL]: FENOMEN PLATNYKH BOTOV [THE PHENOMENON OF PAID BOTS]* [IN RUSSIAN]. MOSKVA [MOSCOW]: RIPOL KLASSIK

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-1-247-255.

REFERENCES

- Chernavin, G. I. 2018. *Neponyatnost' samo soboy razume'yushchegosya [Incomprehensibility of the Self-Evident]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Dobrosvet.
- . 2021. *Filosofiya trollya [Philosophy of the Troll]: fenomen platnykh botov [The Phenomenon of Paid Bots]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: RIPOL klassik.
- Ganzha, A. G. 2020. "I vse my pokhozhi slegka na detey' ['And We All Look a Little Like Children']": proizvodstvo publiky v sovet-skom tsirke [The Production of the Public in the Soviet Circus]" [in Russian]. *Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Observer]*, no. 4: 52–64.
- Kozlova, N. N., and I. I. Sandomirskaya. 1996. "Ya tak khochu nazvat' kino". "Naivnoye pis'mo" ["This is How I Want to Call Cinema". "Naive Writing"]: opyt lingvo-sotsiologicheskogo chteniya [The Experience of Linguo-Sociological Reading] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Gnozis.
- Levin, Yu. I. 1997. *Izbrannyye trudy. Poetika. Semiotika [Selected Works. Poetics. Semiotics]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yazyki russkoy kul'tury.
- Losev, A. F. 2001. *Dialektika mifa [Dialectics of Myth]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Azbuka.
- Orlova, G. A. 2017. "Mobilizovannaya intonatsiya [Mobilized Intonation]" [in Russian]. *Praktiki i interpretatsii [Practices and Interpretations]: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy [Journal of Philological, Educational and Cultural Studies]*, no. 4: 58–82.